

Секция «3. Современные реалии мировой экономики»

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ПЕРИОД
«УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА»**

Чорный Остап Игоревич

Студент

*Львовский институт банковского дела Университета банковского дела
Национального банка Украины, Финансово-экономический, Львов, Украина
E-mail: chornuj_ostap@mail.ru*

Научный руководитель: к.э.н., доц. Глушенко А.А.

Экономика – это мудрость. Финансы – это метод. Деньги – это коллективная сделка. Экономика финансируется. Финансы информализируются. Деньги оцифровываются.

На наш взгляд, современная мировая экономика есть нелинейной, неуравновешенной, гиперкомплексной динамичной системой, в основу саморазвития которой заложено самовоспроизведение капитала как диссипативной структуры, которая характеризуется системной разрозненностью, ростом самодостаточности отдельных структурных звеньев и, как следствие, утратой стандартной унифицированности соответствующих процессов и функциональных структур. Ярким свидетельством этого есть финансирование как мегатренд глобального развития, связанного с гипертрофированным доминированием финансового сектора[1]. В конце XX ст. только 1-2% мирового капитала были связаны с торговлей и прямыми иностранными инвестициями, в то время как остальные 98-99% - с валютно-финансовыми спекуляциями и краткосрочными вложениями.

Усиление взаимозависимости отдельных стран в сфере финансовых отношений, свободное и непрерывное движение капиталов между странами и регионами, подчиненной реализации глобальных финансовых стратегий транснациональных корпораций и банков, ускоренное развитие мирового финансового рынка и становление системы наднационального регулирования международных финансов привели к устранению барьеров между национальными рынками товаров и капиталов.

Национальные рынки всё больше интегрируются, а многочисленные её участники, объединенные в стереотипные поведенческие пулы (под влиянием СМИ, «иррационального оптимизма», типовых инструментов технического анализа рынков), могут существенно влиять на цены и создавать спекулятивные «пузыри», нанося большие убытки нормальной торговой деятельности и рыночной эффективности.

Глобальный финансово-экономический кризис 2007-2009 гг. ярко идентифицировал проблему несовершенства институционального обустройства современной мировой хозяйственной среды, засвидетельствовавшего, что исключительно рыночное саморегулирование не в состоянии сформировать глобальную экономическую систему, способную адекватно реагировать на дестабилизирующие факторы и эффективно противодействовать им. Результаты опроса 223 экспертов из 51 страны свидетельствуют, что сегодня экспертное сообщество не готово дать мандат доверия ни одной из действующих наднациональных структур. Максимальный балл по пятибалльной шкале одержали ЕС и G20, минимальный (0,21) – ООН[1]. Касательно влиятельных международных финансовых организаций, то самое большое количество баллов набрал МВФ (3,2), минимальное – Форум финансовой стабильности.

Тем временем стремление к максимизации капитала вступает в противодействие с реальной основой социально-экономического прогресса – повышением производительности труда[2]. Рост капитализации может образовываться, среди прочего, и в последствии увеличения объема активов путём слияния и поглощения компаний. Часто, следствие такой финансовой инженерии становится то, что в составе многих больших промышленных корпораций сохраняются старые неэффективные производства.

В недавно опубликованном исследовании банка JP Morgan дается картина изменений денежной массы в мире в последние годы. Только за три квартала текущего года мировая денежная масса, измеряемая с помощью показателя M2, выросла с 63 до 66 трлн. долл. Показатель (денежный агрегат) M2 включает в себя наличные деньги, безналичные деньги на текущих счетах, срочные и сберегательные депозиты, краткосрочные государственные ценные бумаги. Получается, что менее чем за год мировая денежная масса выросла на 3 трлн. долл., или 4,6%. Она достигла почти 100% годового ВВП всех стран мира. По оценкам специалистов JP Morgan, из 3 трлн. долл. примерно 1 трлн. долл. «всплыл» в группе, называемой G4. Это США, Великобритания, еврозона (17 государств Европы) и Япония. Остальные 2 трлн. долл. «всплыли» в других странах «золотого миллиарда» (Канада, Австралия, Новая Зеландия, 10 государств Европейского союза) и в странах периферии мирового капитализма. Эти гигантские вливания в мировую экономику создают иллюзию если не экономического роста, то, по крайней мере, некоторой экономической стабильности. Однако это именно иллюзия, поскольку официальные цифры ВВП, публикуемые национальными статистическими службами, приукрашивают реальное положение дел. С учетом инфляционного роста цен реальный мировой ВВП либо не растёт, либо понемногу снижается. Обратной стороной этого процесса является незаметное, но постоянное снижение покупательной способности денежных единиц разных стран. Проще говоря, имеет место обесценение денег[3].

Впоследствии данной политики мы возвращаемся к другой институциональной проблеме, которая привела к кризису – раздутому финансовому сектору. Рост доли финансовой системы в экономике фактически замедляет общее экономическое развитие, и в итоге страны могут стать уязвимыми впоследствии излишней специализации на финансах или излишней зависимости от других стран, которые предоставляют соответствующие услуги. К тому же под угрозой «фискального обрыва» в США, и кризиса государственных финансов в странах ЕС, все это не только создаёт нестабильную систему, спасти которую приходится за счет растущих налогов, но и отвлекает ресурсы, в т.ч. интеллектуальные, от их продуктивного использования в других сферах. Например, в США, за результатами исследования Т.Филиппона, доля банковского сектора достигла максимума в 9% у предкризисные годы сравнительно с 4% в конце 1970-х гг.[2]. Средняя зарплата банковского сектора, которая в 1950-х гг. приблизительно равнялась к зарплате небанковского сектора, к 2007 году превысила последнюю в 1,7 раза. Это все больше углубляет социальное неравенство, в то время как справедливое распределение доходов тесно коррелирует со стойким ростом в долгосрочной перспективе. Новые фискальные правила, которые действуют в странах ЕС-27 с 2008 года, направляют бремя долговой политики на менее защищенные версты населения.

Спекулятивный характер развития современной экономики всё больше заводит экономику в глухой угол. Американский индекс Standard poor's (рис. 1) 19 октября 2013

года достигнув исторического максимума, продолжает расти вопреки тому, что реальный ВВП идет на спад. Дальнейшее наращивание денежной массы ФРС из-за программы «количественного смягчения» уже практически исчерпало возможности экспансионистской политики на фоне практически нулевых процентных ставок, не вызывая существенного улучшения ситуации на американском рынке труда, что и было главной целью стимулирование ФРС в последний период. Экономика постоянного экономического роста и спекулятивного капитала исчерпала себя. Рост инфляционных угроз для экономики США существенно сужает дальнейшие возможности ФРС касательно применения программ «количественного смягчения» как инструмента денежно-кредитной политики. При этом вероятность образования «пузыря» и его взрыв в форме более глубокой второй волны кризиса становится все более вероятным сценарием. С другой стороны, глобальная зависимость от нестабильной валюты мировых резервов (доллара США) есть дополнительным источником мультипликации и хаотизации перманентных кризисных процессов, которые являются атрибутами современной финансируемой экономики.

* - реальный ВВП за 2005 г. отображает среднее значение 1995-2004 гг.

** - реальный ВВП на 01.01.2014 г. взят согласно прогноза МВФ, а индекс S P500 - на 01.11.2013 г.

Рис 1. Темп прироста индекса Standard poor's и реального ВВП США[4,8]

Рис 2. Динамика роста индекса Standard poor's и индекса доллара США[4,8]

Остальные индексы фондовых бирж мира (Великобритании, Франции, Германии, Японии) показывают почти одинаковую динамику прироста. Великобритания, как и США, достигла своего максимума за последние 15 лет (FTSE100 = 6742,1) при прогнозе роста реального ВВП в 2013 году всего на 0,7% [4]. Вопреки логике позитивной корреляционной зависимости между индексами фондовых бирж и ростом ВВП, в 2013 г. в Франции предполагается падение реального ВВП при одновременном росте индекса CAC40 на 11,7% состоянием на 01.11.2013 г. Вложение капитала в спекулятивный сектор экономики не способствует возобновлению реального сектора экономики и в Японии, где проводится, аналогичная к выше описанной, политика «количественного смягчения», более известная, как Абеномика. В России ожидается падение реального ВВП в 2014 г., либо его рост на не более чем 1% в связи с падением индекса РТС сразу на 11% и соответственно – оттоком капитала[8].

Кризисные явления XXI ст. подтвердили тезис о сложном характере связи экономической теории и реальности. Это связано с тем, что экономическая действительность является многовариантной реальностью и скорость изменений её неучтённых переменных существенно опережает темпы её изучения (соответствующий учет ограничивается классическо-экономическим принципом абстрагирования: «за остальных неизменных условий», в то время, когда все условия в любой момент времени являются переменными, и более того - скорость этих изменений в наши дни становится высокочастотной).

Следовательно, попытки создания программ социально-экономического развития исходя из теорий, которые уже исчерпали себя, вряд ли будут удачными. В связи с этим возрастает роль и значение теорий институционально-эволюционного направления, включая теории неоинституционализма, а также фундаментальных теорий, которые описывают поведение сложных систем.

Для современных государств одним из основных факторов риска в сфере иннова-

ционной и инвестиционной деятельности, связанной с состоянием национальной экономики, является, и в ближайшее время будет являться – нарушение внешнего и внутреннего равновесия. Глобализация существенно влияет на источники, масштабы, продолжительность кризиса, на поведение и деятельность социальных и экономических субъектов, на формирование политических и экономических интересов, как для совокупности общественных групп, так и для каждой из них отдельно. Общая интернационализация, усиленная кризисными явлениями, резко снижает результативность государственного управления[6]. Поэтому в трудах таких известных ученых, как Дж. Стиглиц, К. Рейнхарт и К. Рогофф, П. Кругман, рядом с поиском способов преодоления кризиса экономической теории говорится о необходимости формирования нового мирового порядка. Имеется в виду создание новых инструментов управления и контроля процессов глобализации на методологической основе институционалистских, системно-управленческих, технологических подходов[5]. Они разрабатываются в теоретических и практической науках, апробируются на практике, в частности в государствах третьего мира, с целью выработки механизмов эффективного антикризисного управления в будущем, которые бы носили характер супранациональный, который нивелирует национальную субъектность в формировании экономической политики.

После 2008-2009 гг. возникла тенденция к деолларизации и деглобализации мировой экономики, в связи с чем, на смену современной парадигме панглобализму может прийти глобализм региональный (локальный) – масштабные региональные альянсы, для которых характерны общность геоэкономических и геополитических интересов, единый центральный банк, единая валюта, консолидированный бюджет, общая монетарная политика[7]. Два серьезных шага к этому были сделаны на IV ежегодном саммите стран БРИКС (Нью-Дели, Индия, 29 марта 2012 г.): 1) создание по инициативе Индии Банка развития – для финансирования инвестиционных проектов в странах, которые развиваются, долгосрочного кредитирования и эмиссии конвертированного долга для центральных банков, включая зону ЕС; 2) подписание странами БРИКС Рамочного соглашения о кредитировании и аккредитивах в национальных валютах для изменения доллара США, как основной валюты расчетов в взаимной торговле. Аналогичные шаги делаются и в рамках стран-членов еврозоны (консолидация бюджетной и монетарной политики).

Литература

1. Гражевська Н.І., Трохименко В.І. Інституційна зміна світової економіки за умов фінансової глобалізації /Н.І. Гражевська, В.І. Трохименко// Фінанси України. – 2013. - №5. – С.59
2. Невмержицька О.В., Петрик А.О. Вплив глобальної фінансової кризи на розвиток національних фінансових систем /О.В. Невмержицька, А.О. Петрик// Вісник УБС НБУ. - 2013. - №1(16). – С.10-11
3. В. Катасонов «На финансовых рынках началось образование «пузырей». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2013/11/16/na-finansovyh-rynках-nachalos-obrazovanie-puzyrej-24022.html>

4. «Світовий економічний огляд МВФ. Квітень 2013». [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2013/01/pdf/text.pdf>
5. Єфименко Т.І. Актуальні проблеми трансформації економічних теорій в умовах глобальних змін / Т.І. Єфименко// Фінанси України. – 2013. - №5. – С. 10-12
6. Глущенко В.В. Государствология и правология (наука о государстве и праве): кризисология государства, государственное антикризисное управление /В.В. Глущенко. – М.: ИП Глущенко В.В., 2012. – 116 с.
7. Білорус О.Г., Гаврилюк О.В. Фінансова глобалізація: парадигмальні зрушення й ризику /О.Г. Білорус, О.В. Гаврилюк// Фінанси України. – 2013. - №7. – С.15
8. Stooq Quotes: Main Indises. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://stooq.com/t/?i=510>

Иллюстрации

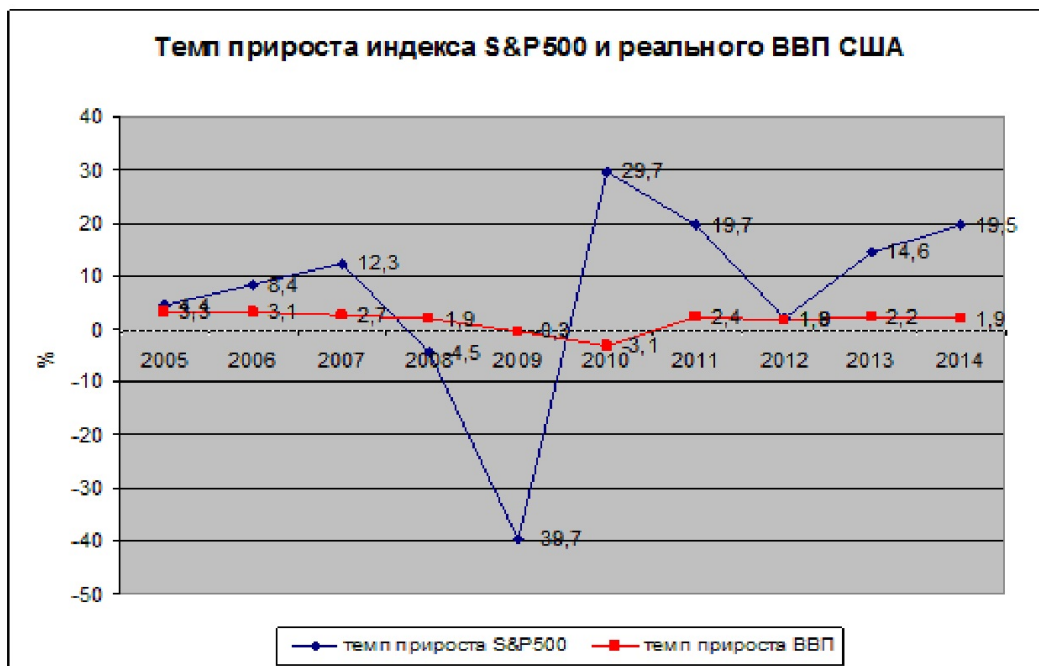

Рис. 1: * - реальный ВВП за 2005 г. отображает среднее значение 1995-2004 гг. ** - реальный ВВП на 01.01.2014 г. взят согласно прогноза МВФ, а индекс S&P500 - на 01.11.2013 г. Рис 1. Темп прироста индекса Standard poor's и реального ВВП США[4,8]

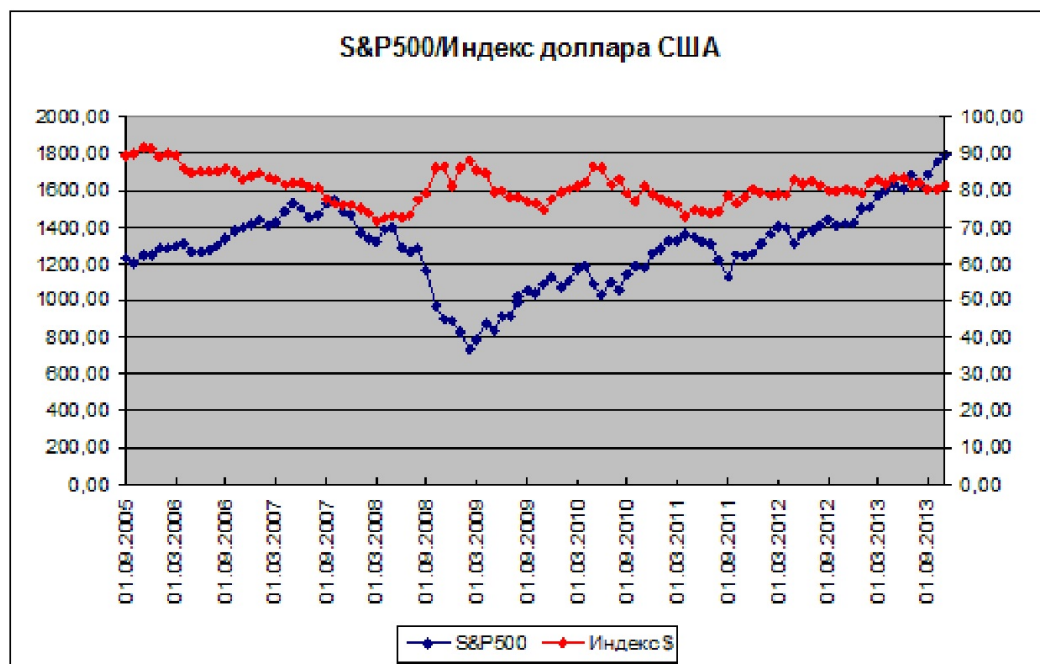

Рис. 2: Рис 2. Динамика роста индекса Standard poof's и индекса доллара США[4,8]